

ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ НА «СОВРЕМЕННЫЙ ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА»¹

«Современный толковый словарь русского языка» (СТС) является классическим представителем словарей-однотомников — справочником для широкого круга читателей по наиболее важным аспектам речевого употребления лексики русского языка. Общий объем словаря составляет около 90 тысяч слов. По этому показателю СТС занимает промежуточное положение между «Толковым словарем русского языка» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой и «Большим толковым словарем русского языка» (гл. ред. С. А. Кузнецов).

В «Предисловии» к словарю указывается, что *«проект Современного толкового словаря русского языка, включая его основные лексикографические принципы и словник, выработывался на основе и с учетом характерных особенностей „Большого толкового словаря русского языка“»*.

При анализе СТС следует учитывать два важных обстоятельства. Во-первых, прямое использование компьютерной базы данных БТС в качестве лексикографической основы — это позволило его автору в относительно короткие сроки провести необходимые подготовительные работы. Во-вторых, творческое переосмысление принципов формирования словника в целях приспособления исходных материалов к объему словаря меньшего размера — это позволило создать интересную версию однотомника и полезное справочное издание. В результате получился однотомный словарь значительный по объему словника (90 тыс. слов) и несущий читателю необходимую и разнообразную информацию о лексике русского языка.

---

¹ Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов; редакционная коллегия: К. С. Горбачевич, А. Я. Дегтярев, Ф. П. Сороколетов. — СПб.: «Норинт», 2001, 2002, 2003, 2004, 2005, 2006, 2007. — 960 с.; *также* Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов; редакционная коллегия: К. С. Горбачевич, А. Я. Дегтярев, Ф. П. Сороколетов. — М.: Ридерз Дайджест, 2004. — 960 с.; *также* Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов; редакционная коллегия: К. С. Горбачевич, А. Я. Дегтярев, Ф. П. Сороколетов. — М.: Рипол — Норинт, 2008. — 960 с.

Как заявлено в Предисловии, СТС дает характеристику написания, произношения, происхождения, словоизменения, значения, сочетаемости слова, а также указывает на его сферу функционирования. За этим простым и, казалось бы, ясным утверждением скрываются совсем не очевидные принципы разработки словарного материала. Для того чтобы разобраться в сути реализованного подхода, необходимо указать основные типологические черты рассматриваемого Словаря.

Проблема формирования словника является одной из центральных проблем любого словаря. Ее существо заключается в умении определить количественный баланс между нейтральной лексикой (словами и значениями) и лексикой, имеющей специальные стилистические характеристики (социально-функциональные, хронологические, территориальные, нормативные, жанрово-стилистические, коннотативные и др.).

В СТС довольно удачно проведено сокращение словника БТС. Были изъяты малоупотребительные, окказиональные и специальные слова, истолкованные в БТС. Например, в СТС не включены такие слова, как (берем подряд на одной странице): *дискография, дисконтировать, дискообразный, дискотечник, дискурсивный, дискутант, диспепсия, дисперсия, диспетчеризация, дисседентствовать, диссонировать, диссоциативный, диссоциация, дистантный, дистанцирование, дистанцироваться, дистиллятор, дистих, дистресс, дистрибуция, дистрибутивный, дисфункция*. Из этого списка можно было бы оставить только *дистанцироваться, дистанцирование* как слова, начинающие широко употребляться в речи.

Можно согласиться с решением о последовательном выведении из словника сложносоставных слов с регулярно образуемой от русских корней первой частью, т.е. слов типа: *зонтиковидный, зонтикообразный, зонтообразный, жаростойкий, жароупорный* (но осталось слово *жаропрочный*) и т.п.

Словник СТС состоит не только из слов, получивших толкования в предшествующих академических словарях (в том числе и в словарях новых слов и значений), но и пополнен словами, которые по каким-то причинам не вошли в предшествующие лексикографические издания² (*автобан, АЗС, алгоритм, анорак, апатрид, атриум, байкер, бонбоньерка, бренди, ВПК, галантин, дочери-матери, драчёна, кирзачи, клавишник, навруз, натуропат, натуропатия, презервы/пресервы, пробник, силикон, шиповки* и др.), а также словами, которые недавно вошли в общий язык из профессиональных подязыков (*аквапарк,*

---

² В качестве примеров приведены слова, которых нет в словнике БТС.

адат, андроид, антропогенный, АО, АОЗТ, АОН, апгрейд, апгрейдить, артефакт, архивировать, атрий, батик, бейдж, боди, бонус, боулинг, барбекю, блаухаунд, блокбастер, блокиратор, блузон, бойфренд, бомонд, бонсай, брокколи, буше, бьеннале/биеннале, вамп, вантуз, ваххабизм, ваххабит, ВДВ, вегетативный, вешдок, видеодвойка, видеокарта, ВИП, внедорожник, внешнеторговый, ВТЭК, гига..., гиперссылка, гипертекст, гипрок, глючить, градообразующий, дайвинг, диггер, далматин, дартс, дежавю, декларант, депилятор, депозитарий, дефолт, джакузи, дзен, дзен-буддизм, ди-джей, дигитайзер, диоксид, динамит, директория, дистония, ДНК, долма, дуайен, евро, евроремонт, евростандарт, елеопомазание, жиголо, жирю, жюльен, зао, запаска, зомби, зомбировать, и-мейл, идеократия, извращенец, изоляционист, имиджмейкер, индексировать, индуист, инициировать, ИНН, инсталляция, интерактивный, интернет, интерпол, интифада, интоксикация, интронизация, имидж, иудаист, ИЧП, калашиков, кантовать, кампус, караоке, карго, картридж, катала, квилт, кетчуп, киднап, киднепинг, кликнуть, коккер-спаниель, контркультура, клиренс, клинч, клипмейкер, клон, клонировать, кляр, когерентный, когнитивный, коллаген, комбидресс, комильфо, коммандос, комплемент, конкур, контрактник, контраргумент, копирайт, косуха, кошерный, КПЗ, КПП, креативный, кредитка, крейзи/креси, криминалитет, курабье, курбан-байрам, кучковаться, лабрадор, маракуйя, металлопластик, миньон, мюсли, новомученик, нубук, облигатный, оживляж, органайзер, оригами, офшор, папарацци, парацетамол, патио, пейджер, пейджинг, подпевка, рейнджер, роуминг, равиоли, регтайм, ремейк, реструктуризация, ризограф, ризография, секонд-хенд, I.скотч, слоган, снукер, сноуборд, сопе, стеклопакет, СЭС, талиб, талибан, тамагочи/тамагучи, татуаж, телеконференция, трахеит, фэнтези хачапури, хот-дог, хэллоун, цимес, шейкер, шерри, шнек, шопинг, шоптур, шпикачка, штрихкод и др.)³

Изменения в языке отражают изменения в обществе. В словник СТС, в отличие от других толковых словарей, не вводились слова со сниженной социально-функциональной и жанрово-стилистической характеристикой (от разговорной до сниженной и жаргонной). Но в словарь были введены новые лексические значения, характеризующиеся такими свойствами. Сам факт описания таких значений в одномомном словаре говорит о многом. В частности о том, что современное российское общество изменилось: язык людей, получивших доступ к общественной трибуне (через литературу, публицистику,

---

³ Слова и значения, пополнившие словник СТС сравнительно с БТС и ШОС, были предоставлены С. А. Кузнецовым.

научно-популярные тексты и т. п.), значительно отличается от языка 10–15 летней давности. Такие общественно-политические процессы, как разрушение слоя интеллигенции, становление среднего класса, глубокая эрозия социальных и этических стереотипов и др. создали условия для проникновения в литературный язык слов со специфически негативной окраской. Изменения в словоупотреблении повлекли за собой смещение баланса лексического состава словаря в сторону сниженной и даже обценной лексики, и этот дрейф — актуальный процесс сегодняшнего дня.

Сравнение словников Словаря Ожегова-Шведовой (СОШ) и СТС показывает, что почти равные по объему словники сформированы и охарактеризованы по-разному. СОШ дает нормативную, предписывающую характеристику слову (по принципу: употребляйте слова так, как указано здесь), в СТС слова получают констатирующую, регистрирующую характеристику (т. е. слова, приведенные в словаре, используются образованными людьми в своих письменных и разговорных текстах так, как указано здесь). Например, в СТС⁴ истолкованы значения со сниженной стилистической окраской у следующих слов и словосочетаний: *вмазать, динамо, кишка, колесо, косяк, крутой, литье, мультка, наколоть, накрыться, напряг, отпад, отстегнуть, пасти, переть, подсесть, прибамбас, прикинутый, прикинуться, прогнуться, свинтить, свистеть, фишка* и др. В небольшом количестве вошли даже жаргонные значения слов и выражений (*опустить, отмороженный, понт, снять, соскочить, стрелка, сдать, трава, трясти, упаковать, фуфло, шланг* и др.). Разумеется таких значений нет в СОШ.

Слова с резко сниженной стилистической окраской постепенно стали переходить из разряда ненормативной лексики в лексический разряд, лежащий на дальней периферии литературного языка. Автор отразил эти изменения в словнике. Около половины слов и значений в СТС получили стилистическую квалификацию⁵. Использование компьютерных технологий при подготовке словаря дало возможность оперативно пополнять его словник. Такая актуализация источников фактического материала является безусловным достоинством словаря, которое при дальнейших переизданиях нельзя утрачивать.

Грамматический комментарий к слову относится к числу традиционных характеристик, даваемых лексике в толковых словарях. В СТС

---

⁴ В качестве примеров приводятся слова, которых нет в словниках БАС, МАС, БТС и словаря Ожегова-Шведовой.

⁵ Для сравнения скажем, что в Словаре Ожегова около 35 % слов и значений стилистически маркированы, в СОШ этот показатель чуть больше 40 %.

он в основном соответствует правилам, принятым в академической лексикографии. Но есть и изменения. Так, малоупотребительные формы помещаются в угловые скобки. Например, **Всп́ухнуть**, <-ну, -нешь>, -нет; **Всколыхн́уться**, <-н́уть, -н́уться>, -н́ется; **Вста́виться**, <-влюсь, -вишься>, вится. Среди них встречаются слова, формы которых представляются вполне употребительными (например, **Вскл́убить**, <-бл́ю, -б́ишь>, -б́ит; **Заж́ухнуть**, <-ну, -нешь>, -нет и др.).

При показе пассивных форм на -ся СТС повторяет подход БТС, в котором эти формы с пометой *страд.* даются при мотивирующих переходных глаголах *нсв.* **Варьировáться**. <Варьировáться, -р́уется; *страд.*; **Вбить**. <Вбивáть, -áю, -áешь; *нсв.* Вбивáться, -áется; *страд.* В большом и малом академических словарях такие формы указывались на своем алфавитном месте в одной статье с возвратными глаголами, а в словаре Ожегова не показывались вовсе.

В СТС истолкованы составные служебные слова, словосочетания, выполняющие функцию наречия, союзного слова, т. е. структурные словосочетания, эквивалентные слову. Конструкция словаря позволяет помещать описания составных предлогов, союзов, частиц, междометий, вводных словосочетаний и др. в конец словарной статьи вместе с производными словами. Например: <**Ай да**, (*в сочет. с сущ. или глаг.*) *частица*. <**Абы как**, *в зн. нареч.* <**В авангáрде**, *в зн. нареч.* <**До безумия**, *в зн. нареч.* <**На волоске**, *в зн. нареч.* <**К востоку от кого-чего**, *в зн. нареч.* <**Вплоть до того, что**, *в зн. союза*.

Обычно толковые словари проходят мимо последовательной регистрации таких словосочетаний, поэтому то, что СТС сохранил подход БТС и сделал их равноправным объектом своего описания, выделив в отдельную зону словарной статьи, следует признать правильным решением. Следует оговориться, что часть словосочетаний, который в БТС толкуются подобным образом, в СТС переведены в разряд фразеологических оборотов (без указания их частеречной принадлежности). Это несколько нарушает принцип, принятый в БТС, но увеличивает количество явно отмеченных фразеологизмов.

В СТС вслед за СОШ и БТС достаточно большое внимание уделено описанию орфоэпической нормы — в квадратных скобках последовательно указывается произношение определенных буквенных сочетаний. Этот вид лингвистической информации, конечно, усиливает справочные функции издания, но степень ее эффективности в современных словарях должна быть подвергнута серьезному анализу — и это невозможно сделать в рецензии. Если говорить о СТС, то, наряду с необходимыми и полезными указаниями на произношение слов, имеется ряд указаний, которые носят случай-

ный, а иногда и субъективный характер. См., например: при слове *гроссбух* указывается произношение — [зб], но позволительно будет усомниться, что в этом слове произошло озвончение согласного С, при слове *интерфейс* — указание [тэ, фэ], но представляется, что произношение твердого Ф в этом слове свидетельствует теперь уже о вычурной манере речи говорящего. Думается, что при решении вопросов произношения, во-первых, должен быть предварительно определен круг лексики, требующей орфоэпического комментария, во-вторых, должна быть система помет, дифференцировано определяющая степень правильности или неправильности того или иного произношения (сказанное относится и к указанию вариантности грамматических форм) и, главное, отражающая динамику изменения отношения общества к тому или иному варианту, т. к. варианты произношения, ударения и грамматических форм могут сосуществовать в речи достаточно продолжительное время, вызывая споры о своей правильности. В качестве примера приведем только одну ситуацию: в словаре Ожегова и в Словаре Ожегова-Шведовой при слове *лавочник* приводится указание на произношение [шн], т. е. лаво[шн]ик. В СТС указания на произношение этого слова нет. Следовательно, либо словарь Ожегова указывает единственно правильное произношение и СТС по умолчанию согласен с ним, либо СТС просто не характеризовал произношение этого слова. Но даже если бы он попытался сформулировать свое отношение к его произношению, необходимо было бы иметь соответствующий инструмент описания, чтобы не только признать правомочным как «московское» [шн], так и «петербургское» [чн] произношение, но и объяснить, почему оно таковым признается.

О выборочном характере орфоэпической информации можно судить и по указаниям на произношение неопределенной формы глаголов: см. при глаголе *заестся* приводится такое указание [есца], при всех других глаголах с *-ся*, находящихся рядом, таких указаний нет.

В структуре словарной статьи СТС предусмотрено место для сведений о происхождении заимствованных слов. Такая справка, хотя и не является основной, представляется все же необходимой в толковых словарях, поскольку она обогащает информацию о значении слова и позволяет раскрыть его внутреннюю форму. Ей отводится место вслед за грамматической характеристикой слова (как в словаре Ушакова, в словарях иностранных слов и в БТС). Причина такого расположения, по-видимому, кроется в том, что обычное место этимологических справок в академических словарях — конец словарной статьи — в БТС и СТС выделено для производных слов.

Важно подчеркнуть, что указание мотивирующих значений иноязычных слов не подменяет собой этимологию русского слова. В БТС и СТС приводятся лишь сведения о значении слова в языке-первоисточнике, т. е. сведения, которые интересуют читателей в первую очередь. И в этом отношении словарь может удовлетворить самые разные интересы читателей. См., например: *джиу-джитсу* (от япон. *ju* — благородный, нежный и *jitsu* — искусство), *джихад* (от арабск. *jihad* — война, борьба), *джойстик* (от англ. *joy* — удовольствие и *stick* — палка), *джокер* (от англ. *joker* — шутник), *джонка* (китайск. *Chuanj* — судно) и т.п.

Этимологическая справка о слове — очень трудный раздел словарной статьи. Тому есть множество причин. Назовем только две из них: во-первых, у нас нет современного полного этимологического словаря, описывающего историю жизни слова в русском языке, и, во-вторых, до сих пор не существует ясной методики составления подобных справок. В связи с этим возникает множество проблем, вызванных неопределенностью требований к глубине и полноте этимологических реконструкции в толковом словаре. От словаря к словарю эти требования устанавливаются каждый раз заново. В Предисловии к СТС указаны три типа этимологических справок. Иноязычное слово приводится без перевода, если значение при заимствовании не изменяется. В случае различия в значениях, указывается перевод с языка-источника. Язык-посредник указывается в тех случаях, когда это облегчает и обогащает толкование заимствованного слова. В целом, справка о значении слова в языке-источнике выделяет БТС и СТС из ряда существующих однотомников.

Описание подчинительных связей (также как и этимологическая справка) не носит в СТС новаторского характера. Принципы их описания соответствуют принципам МАС, БТС и продолжают традиции, заложенные еще словарем Ушакова⁶. В СТС сохраняется два типа синтаксической характеристики слова: указание на синтаксические функции слова и указание на синтаксическое управление. Значения служебных слов толкуются во многом через описание их роли в предложении, а глаголы и признаковые существительные (иногда прилагательные) имеют указание на их способность управлять падежом зависимого слова. Указание на их способность сочетаться с ин-

---

⁶ Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова впервые сделал указание на синтаксические конструкции, в которых реализуются значения слов, обязательным компонентом лексикографической разработки слова (до него такие указания были факультативными).

финитивом или придаточным предложением приводится в том случае, если участие в такой синтаксической конструкции является условием реализации этого лексического значения слова. Такой подход можно оценить весьма положительно, тем более что все толкования с его использованием сопровождаются иллюстрациями. Вместе с тем в СТС (как и в предшествующих словарях) встречаются непоследовательности и даже неточности синтаксической характеристики. Несмотря на имеющиеся недостатки и ограниченность справочных сведений, СТС является сравнительно надежным источником для получения сведений о сочетаемости слов.

Стилистическая квалификация лексики в толковом словаре традиционно считается одной из важных филологических характеристик слова.⁷ В применении к конкретному слову она очень подвижна и опирается, как правило, на интуицию составителя и его мнение о положении слова в системе разных стилистических осей. Поэтому, на наш взгляд, здесь не следует оценивать степень обоснованности каждого частного решения о стилистической квалификации слова, поскольку такие оценки в свою очередь сами становятся предметом бесконечных (и во многом бесплодных) дискуссий. Здесь отметим лишь то, что безусловно требует комментария или оценки.

Исследования по стилистике последних лет убедительно показали, что нейтральный лексический слой активно расширяется за счет отраслевых терминов, изменяется состав и увеличивается объем маркированных слоев лексики, претерпевают изменения пропорции и формы существования литературного языка (увеличивается доля электронных средств распространения и обмена информацией). Эти языковые процессы послужили, видимо, причиной изменения и уточнения ряда теоретических принципов стилистической квалификации слов в БТС. В СТС эта система стилистической квалификации использована практически без изменений.

Получила свое развитие система ремарок, задающих определенные хронологические, территориальные, социальные и профессиональные рамки употребления слова. Например: в Англии в XVI–XVII вв.; в Австрии, в Германии; в Византии в VIII–IX вв. и в Западной Европе в XVI в. в период Реформации; в Военно-морском флоте СССР в 1940–1971 гг.; в Древней Руси и Московском государстве; в Китае,

---

⁷ Заметим попутно, что создание нормативно-стилистического словаря современного русского языка — одна из постоянных возобновляемых целей практической лексикографии (в качестве примеров реализации этой цели можно привести словарь Ушакова и словарь Ожегова).

Корею и некоторых других странах; в Крыму и на Кавказе; в России до 1845 г.; в античной и средневековой философии; в азартных играх; в арабской и персидской мифологии; в боксе, борьбе; в буддизме, индуизме и некоторых других восточных религиях; в виноделии; в гимнастике и акробатике; в детской речи; в речи музыкантов; в современной Украине; в средневековой Испании; в стоматологии; в театре, цирке, кино, на эстраде; во Франции и Англии в средние века; во время первой мировой войны; на Украине в период Гражданской войны 1918–1920 гг.; у горских народов Кавказа и казаков России и др.

Эти ремарки, дополняющие стилистические пометы, позволяют гибко маркировать сколь угодно маленькие лексические группы, не прибегая к введению новых помет. Например, ремарка «в детской речи» применяется вместо предлагаемой в других словарях пометы «детское».

В СТС не применяются пометы «*обл.*» и «*прост.*», вместо них введен новый ряд помет: «*нар.-поэт.*» «*нар.-разг.*», «*разг.-сниж.*», «*сниж.*», «*публиц.*», «*жарг.*», «*бранно*», «*вульг.*». Некоторые слова, обозначающие предметы утвари, обихода, традиционного промысла и т.п., сопровождаются ремарками, указывающими на территорию распространения слова, например: в южных областях России и на Украине (*майдан*), в степных районах на юге и востоке России (*кизяк*), в старину в южных городах России (*биндюжник*), в Приамурье и на Сахалине (*стойбище*) и др.

О двусмысленности пометы «*прост.*» написано довольно много. Около двух веков существовала она в русской лексикографии, ветшая от словаря к словарю. БТС первым прервал практику ее применения, СТС повторил этот опыт. Анализ показывает, что массив лексики, обычно характеризовавшийся как просторечный, получил в словаре квалификации, разошедшиеся по двум основным стилистическим шкалам: центр-периферия (по временной оси: вередить *устар.*; по пространственной оси: веред *нар.-разг.*) и высокое-низкое (верезг *разг.*, галдеть *разг.*, галиматья *разг.*, дрызгать *разг.-сниж.*, звездануть *разг.-сниж.*)⁸.

В целом система стилистических помет, принятая в БТС и воспринятая СТС, доказывает свое соответствие объекту описания, а заложенная в конструкцию словарей широкая возможность использования ремарок сообщает ей необходимую гибкость.

Семасиологическая характеристика слова, безусловно, является центральным объектом толкового словаря. Она вскрывает объективное

---

⁸ Сравнение с МАС (2-е изд.) проведено по БТС и СТС.

содержание лексических единиц и должна последовательно соответствовать мере дробности описания семантического объема слова, зависящей от объема словника и размера словаря. Значения словесных знаков соотносятся, прежде всего, с определенными конструктами человеческого сознания, поэтому (чтобы не утверждали лингвисты-теоретики) проблемы толкования слов решаются лексикографами, исходя, в конечном счете, из логики здравого смысла, опирающейся на их собственное знание системы языка и реального мира вещей. Такой интуитивно-практический подход оправдан — читателей обычно интересуют сведения о семантическом содержании слова и образцах его словесного сопряжения, а не абстрактные характеристики единиц лексико-грамматической системы языка. Вместе с тем требование последовательности словарного описания влечет за собой необходимость выработки некоторых общих правил и приемов толкования значений слова, соответствующих заявленной дробности описания.

В БТС и СТС проделана значительная работа по унификации толкований схожих случаев. Выработаны типовые толкования для лексических разрядов, объединенных общим понятием, функцией, признаком и т. п. **Это проявляется в последовательном использовании дефиниций, построенных на базе типовых логико-понятийных структур, включающих указание на родовое понятие, существенный видовой отличительный признак части или целого, указание назначения вещи, особенности конструкции, форму предмета, способы использования и т. п.** В толкованиях указывается принадлежность к типовой классификационной категории (какое-л. свойство, состояние, какая-л. способность, величина, мера и т. п.). Указываются условия и способы реализации в тексте данного значения (операциональные толкования служебной лексики). Широко используются и отсылочные толкования (указание на синоним, на соотносительное слово и др.).

Впервые в практике академической лексикографии в БТС и СТС текст дефиниции последовательно подвергнут внутренней структуризации. При необходимости толкование может начинаться со стилистической или энциклопедической ремарки (см. об этом выше), а заканчиваться разнообразными дополнительными сведениями. Дискретность дефиниции делает явным составной характер информации, характеризующей слово. Такой подход к толкованию значений слов является безусловным шагом вперед в последовательном выявлении свойств содержательной стороны десигната. В толкованиях СТС легко выделяются следующие части:

Лексико-семантические ограничения и пояснения. Например, **Авторизованный**, Осуществлённый автором или при его участии

(о переводе, копии, репродукции и т.п. какого-л. произведения). **Барабанить..** *Разг.* Громко и неискусно играть (на рояле, пианино). **Барахлить..** *Разг.* Работать плохо, неритмично, с перебоями (о моторе, машине и т.п. или больном сердце). **Бравада..** Показная удаль, смелость; неумеренное хвастовство (в словах или поступках). **Крутой..** б. Суровый, упрямый, своевольный (о характере человека; о человеке с таким характером). **Отворотить..** // Изменить направление движения (автомобиля, судна и т.п.). *О. лодку к берегу.* **Овощевоз..** Транспортное средство (автомобиль, судно и т.п.), служащее для перевозки овощей.

Поясняющие энциклопедические, историко-культурные справки и комментарии. Например, **Архар..** Дикий горный баран с закрученными рогами (обитает в Средней Азии). **2. Бар..** *Метео.* Единица измерения атмосферного давления (равная 750,1 миллиметров ртутного столба или 0,987 атмосфер). **Буква..** **2.** *только ед.; чего.* Внешняя, формальная сторона (в противоположность смыслу, содержанию). **Вакантный..** Никем не занятый, не замещенный (о должности). **1. Вал..** **1.** О сплошной массе, большом количестве (пара, облаков, людей и т. п.).

Одним из самых оригинальных решений в области семантической характеристики лексики, принятых в БТС и сохраненном в СТС, является решение о полном отказе от пометы «перен.». Этой пометой в академических словарях принято отмечать только одну из разновидностей семантического переноса, которая охватывает случаи метафоризации значений. Для этого типа многозначности («живая метафора»⁹) характерно наличие двуплановой связи между исходным и производным значением. Другие типы семантического варьирования исходного значения слова (все виды импликации и метонимии, включая синекдоху), а также случаи генетической метафоры не рассматриваются академическими словарями как переносные и, следовательно, этой пометой не сопровождаются.

Краткими словарями, как правило, не учитываются случаи регулярной метонимии. Например, словарь Ожегова и СОШ не выделяют в слове **стакан** значения «содержимое сосуда; количество жидкости или вещества, вмещающегося в него». Поэтому фразы типа: *Хозяин и его приближенные сидели в углу, выпивая стакан за стаканом и любуясь веселостью молодежи* (Пушкин, Дубровский). *За здоровье! Ура!.. — сказал он, выпил свой стакан и хлопнул его об землю* (Л. Н. Толстой, Война и мир) не получают лексикографического отражения.

---

⁹ Ковтун Л.С. Описание метафоризации значений в толковом словаре литературного языка // Современность и словари. Л., 1978, с. 51.

В академических словарях этот тип переносов учитывается (хотя и не во всех деталях).

Метафорические переносы регистрируются в словарных описаниях. При этом в словаре Ожегова пометой «перен.» отмечаются случаи генетической метафоры (живых метафор там нет и быть не может из-за краткости словаря), а в академических словарях живые метафоры приводятся наряду с генетическими без различия особенностей их образования (несмотря на все существующие теоретические доводы). Возьмем, например, слово *дуэль*. Все словари (кроме БТС и СТС) сопровождают производное значение этого слова пометой «перен.». Ср.: *Дуэль.. 2. перен.* Борьба, состязание двух сторон. *Шахматная дуэль.*¹⁰ *Дуэль.. 2. перен.* Состязание, борьба двух противников или двух сторон.¹¹

Здесь, видимо, неуместно оспаривать научно-теоретическое содержание этой пометы («не угасшая образность, ощущаемая говорящими»)¹² Можно лишь отметить, что объективных критериев различения генетических и живых метафор не существует. Дело это субъективное, основанное на интуитивном восприятии лексикографами каждого данного значения. При этом практика применения пометы «перен.» свидетельствует, что она характеризует не дефиницию, а только тип связи исходного и производного значений, т.е. в структуре многозначного слова эта помета играет роль маркера, именующего лишь один тип семантической производности. В БТС и СТС (вслед за БАС и МАС) представлены без указания на переносность различные семантические смещения, приращения и другие смысловые вариации, возникающие внутри одного лексического значения. Они подаются за знаком вертикальной черты, например: **Варево.. / О том, что приготавливается посредством варки.** *Лечебное в. Дёргаться.. / Разг.* Резко, отрывисто двигаться, исполняя современные ритмические танцы. *Заиграла музыка, все стали д. Молодёжь не танцует, а дёргается.*

Если словарная статья небольшая, то указание на особый тип семантической деривации одного из значений можно рассматривать как отрывочную непоследовательную информацию о тропеизме слова. Но если словарная статья большая, то несколько помет «перен.», поставленных при значениях и оттенках, способны сбить с толку и

¹⁰ Словарь Ожегова-Шведовой, с. 184.

¹¹ БАС, 2-е изд., т. IV, с. 549.

¹² Например, в английском языке второе значение слова *a duel* (*дуэль*) имеет то же значение, что и в русском (ср.: *a contest or conflict between two persons or parties*). Как же быть в таком случае с представлениями о живой образности, уникальной по определению?

специалиста (производной от какого значения является данная филиация). Трудным является также и ответ на вопрос: является ли эта информация необходимой читателю? Например, **Гаситель**.. 1. Название различных приспособлений для гашения света, огня и т. п. 2. *перен. Книжн. устар.* Тот, кто не дает развиваться чему-л. передовому, новому. **Дряблый**.. 1. Лишенный свежести, упругости. 2. *перен.* Лишенный энергии, способности к действию; безвольный, бесхарактерный. **Звездистый**.. 1. Усеянный яркими звездами. 2. *перен.* Искрящийся, сверкающий.¹³

Если исходить из того факта, что знание о характере производности значения оказывается бесполезным как на этапе анализа текста, так и на этапе его синтеза, то информация о том, что исходное и метафорическое значение связаны друг с другом метафорической связью, также не является нужной. Если мы понимаем, что в дискурсе эта помета оказывается бесполезной, то зачем ее сохранять в словарных статьях? Исходя из этих соображений, думается, что помета «*перен.*» обладает такой же фиктивной ценностью, как и помета «*одуш.*», которая активно используется в последнее время в некоторых толковых словарях без указания форм словоизменения.¹⁴

В практике однотомной лексикографии речения используются как основное средство введения контекстов в словарь. Такой подход обнажил в БТС и СТС противоречие между подробным описанием семантической структуры слова, предполагающим показ редких, устаревших и специальных значений, и ограниченными возможностями речений, хорошо иллюстрирующих только нейтрально окрашенные частотные слова и значения. Речения, даже полученные из цитат, не всегда оказываются убедительными и обладающими доказательной силой.¹⁵ Для нейтрализации этого недостатка в СТС (вслед за БТС, но в гораздо более скромных количествах) используются поговорки, крылатые выражения и собственно цитаты из классиков

---

¹³ Примеры взяты из МАС (2-е изд.).

¹⁴ Эта помета пришла из компьютерной лексикографии, где, как считается, с ее помощью решают некоторые проблемы формального анализа текста. Объяснить же ее использование в «человекочитаемых» словарях можно только недоразумением или авторским снобизмом. Ведь человек, в отличие от машины, способен, используя толкование различать признак одушевленности/неодушевленности в словах типа *автор, диссидент, шофёр, дельфин, зебра* и т. п.

¹⁵ См. предисловие к словарю: «*Иллюстрации к толкованию (набраны курсивом) даются только в том случае, если они являются необходимым компонентом описания слова. Среди таких иллюстраций немало терминологических сочетаний, дополнительно толкуемых в скобках*» (СТС, с. 6).

литературы. Этот прием, безусловно, следует признать верным, но и работу по оптимизации конкретных решений необходимо продолжить. См., например: *положить наклеенную фотографию под груз* — текст предложения в настоящее время уже не соотносится с типовыми жизненными ситуациями, или *подтянуть груз у настенных часов*.

Принципы гнездования производных слов отличаются от тех, что были приняты в словаре Ожегова, — они менее экономны, но более последовательны. Например, в гнездо мотивирующего глагола не помещаются возвратные глаголы (со значением перехода действия на действующего типа **мыться** при **Мыть**), а соотносительные по виду приставочные глаголы сов. вида не указываются в гнезде бесприставочного глагола (типа **сделать** при **Сделать**).

Разумеется, тип однотомика, воплощенный в БТС и СТС, имеет свои слабые места. Они обусловлены как теоретическими основаниями конструкции, так и ее реализацией.

Сначала разберем те, что порождены особенностями конструкции словаря. Это, прежде всего, слабая доказательная сила речений при иллюстрации устарелых или разговорных значений. Ссылка на компилятивный характер речений не всегда оказывается достаточной, поскольку, как показывает практика, не все читатели способны понять, что стилистическая квалификация значения распространяется и на иллюстративный материал. Наиболее убедительными в этом случае были бы прямые ссылки на тексты авторитетных писателей. Ограниченную характеристику имеют производные слова. В том случае, когда словообразовательный дериват оказывается частотнее мотивирующего слова, может возникнуть неудобство в получении справки о нужном слове.

Ко второму виду относятся те, что связаны с интерпретацией конкретного языкового материала. В этом случае любой вид справки о слове (от орфоэпии до семантики) всегда служит закономерным объектом критики. Так, например, спорной частью любого толкового словаря являются дефиниции. Считается, что мелкие частные замечания, касающиеся словарных толкований (как справедливые, так и не очень), украшают всякое исследование, делают его более убедительным. Здесь мы удержимся от столь легковесного приема, не станем давать рекомендаций, а ограничимся лишь утверждением, что продолжение работы и продолжение регулярных переизданий сделают СТС еще более надежным справочником. Любой справочник от переиздания к переизданию становится лучше.

Несколько слов о полиграфии словаря. Считаем, что его полиграфический вид, т. е. набор шрифтов, кеглей и других особенностей

издательского дела выгодно отличает СТС от многих других словарных изданий. Он легко читается, в нем четко выделяются составные части словарной статьи (особенно это касается раздела фразеологии и устойчивых сочетаний и помет). Технических погрешностей в словаре практически нет, что косвенно говорит и о качестве подготовки словаря в целом. В этом видятся преимущества предварительного создания электронной словарной базы данных, на основе которой последовательно были получены БТС и СТС. Косвенным подтверждением высокого качества словаря является его публикация в Италии издательством «Ридерс дайджест» в 2004 г.

Все вышесказанное позволяет сделать однозначный вывод: **«Современный толковый словарь русского языка» соответствует требованиям, которые предъявляются к грамматикам, справочникам и словарям, содержащим нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации.**